

Л. И. ИВОНИНА

ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ СТАРОГО ПОРЯДКА

Около 11 утра 11 мая 1745 г. большая колонна британской и ганноверской пехоты подошла к линии французских войск у деревни Фонтенуа недалеко от современной франко-бельгийской границы. Когда противники уже находились в 30 м друг от друга, один английский офицер внезапно выступил вперед и вежливо пригласил французов стрелять первыми. Французские командиры поступили точно также. Конец этой куртуазной перепалке, изрядно оттянувшей начало боя, все же положили более рациональные англичане. Этот случай, хотя и является хрестоматийным и служит одним из ярких примеров ведения войны в Европе Старого порядка, однако полностью не отражает всю сущность и сложную динамику процесса.

«Нельзя понять войны, не поняв эпохи», - справедливо заметил выдающийся военный теоретик первой половины XIX в. К. Клаузевиц. Как мы знаем, Европа Старого порядка - это эпоха существования в отношениях между государствами новой международной системы, формировавшейся после Вестфальского мира 1648 г. Поскольку это время характеризовалось процессами монополизации, приведшими к концентрации в руках носителей высшей государственной власти всех важных политических полномочий, ведение войны - существенной части международных отношений эпохи - переходит на качественно новый уровень.

В рамках Вестфальской системы слава и репутация правителей и их министров, монополизировавших власть, значили очень много. В мировой историографии распространенной является точка зрения, согласно которой Старый порядок и международные отношения во время Вестфальской системы определялись преимущественно военными факторами.

Известный немецкий историк И. Буркхардт называл войны XVII в. «созидающими государство», а его коллега О. Хинтце - движущей силой государственного строительства. Необходимость формирования европейской системы заставляла вести войны, которые в свою очередь развивали дипломатию и военное дело, стимулировали производство вооружения. Безусловно, военные факторы были ярко выражены (стоит только перечислить войны Людовика XIV за испанское, польское, австрийское, баварское наследства, Северную и Семилетнюю войны и их внутривнутриполитические последствия). И все же в последние десятилетия межгосударственная политика все чаще рассматривается с плюралистических позиций, больше внимания уделяется дипломатической процедуре, международно-правовым, географическим, культурно-ментальным аспектам.

Сейчас немецкая историография является форвардом в изучении войн и дипломатии эпохи Старого порядка (Х. Духхардт, Х. Шиллинг, К. фон Аретин и др.). Большое значение в исследовании проблемы имеет англо-американская историография, хотя английские исследователи, за редким исключением (Дж. Блэк, например), по-прежнему склонны рассматривать внешнюю политику Англии 1648-1789 гг. с позиций англоцентризма и изоляционизма. Тем не менее активное включение Англии в европейскую и мировую политику после Славной революции 1688 г. и успехи герцога Мальборо во время войны за испанское наследство (1701-1714) заставили несколько скорректировать британский взгляд на историю этого периода.

На протяжении второй половины XVII-XVIII в. войны велись почти без перерыва - если не на полях сражений, то на бумаге. В принципе, сам процесс ведения войны включает в себя структуру войны (т. е. военную организацию и ее составляющие) и непосредственно военное дело (тактику и стратегию). Военные факторы, которым мы и уделим здесь внимание, были тесно связаны с широкими социальными, политическими и экономическими изменениями в европейской истории. Религиозные и гражданские конфликты «конфессионального века» (вторая половина XVI - первая половина XVII в.) сменились относительным внутренним спокойствием под управлением крупных абсолютных монархий. Это было время активного государственного строительства, когда структура войны во многом определялась понятиями суверенитета и монополии на власть. Монополизированная сила, управлявшая подданными преимущественно военными методами и направлявшая их энер-

гию за пределы государства, вела борьбу за новые территории, в оборонительных целях, за коммерческие привилегии, чаще обосновывая ее династической необходимостью. Победа и слава были конечной целью любой войны, будь то оборонительной либо агрессивной. Однако династический фокус не был единственным, хотя и являлся центральным мотивом войн второй половины XVII-XVIII в. Монархи и их министры вели колониальные войны, войны за выживание, за освобождение «братьев по вере», в целях предупреждения воинственных соседей и т.д. В войнах Вестфальской системы начали формироваться национальные стереотипы врага: таковыми были англичане для французов, французы для немцев, поляки для русских. Многие из этих стереотипов живы и по сей день.

Вестфальский мир 1648 г., хотя и разрешил противоречия предыдущей эпохи, отнюдь не положил конец европейским конфликтам, а перевел их на качественно новый уровень. Целый ряд положений договоров в Мюнстере и Оснабрюке, в том числе и статьи о гарантиях Вестфальских соглашений Франции и Швеции, спровоцировали новые войны на востоке Европы между Россией, Польшей и Швецией точно так же, как и территориальную, дипломатическую и идеологическую экспансию Короля-Солнца. Отметим, что в последних работах Восточная Европа не только не исключается из поля зрения историков на войны Старого порядка, но и напротив, особо подчеркивается, что необходимо обратить внимание на этот регион, чтобы понять природу военных изменений и их влияние на социальные и политические структуры раннего Нового времени. В историографии подвергается сомнению и утверждение о том, что Вестфальский мир положил конец военно-конфессиональным конфликтам. Очевидно, что борьба между Габсбургами и турецким султаном, ряд германских конфликтов, идеологическое обоснование военной экспансии Людовика XIV, а также защита на международной арене протестантского престолонаследия в Англии после Славной революции 1688 г. подтверждают это.

Вообще британский военный опыт в рамках Вестфальской системы вносит коррективы в распространенный взгляд о тесной взаимосвязи между абсолютистскими структурами Старого порядка и военной силой. Так, в Англии, пережившей в XVII в. две революции, существовала развитая фискально-военная инфраструктура. Островное положение государства способствовало перерастанию фискальной власти в военную без наличия крупного военного ведомства и формирований. Денежные субсидии вместе с политическим влиянием и морской поддержкой обеспечили Британии союзников на континенте, необходимых для борьбы с французским превосходством в людских и материальных ресурсах. Концепция британской исключительности также не заходила слишком далеко. Постоянная армия Великобритании

была довольно многочисленной относительно ее населения и значительно увеличивалась в военное время. К тому же, оставляя в стороне дискуссии о наличии в переходную эпоху абсолютизма как такового вообще, заметим, что абсолютизм отнюдь не был «абсолютен» и не существовал без собственных механизмов урегулирования личной власти с целью поддержания общественного консенсуса. Государственные власти обращались не только к военной силе, но и время от времени - к традиционным представительским институтам.

В принципе, эпохальный характер Французской революции в военном смысле может быть несколько оспорен с позиций европейской перспективы. Действительно, революционеры свергли монархию, а революционные армии триумфально шествовали по Европе, исправляя ее политическую карту военными методами. Великие державы были вынуждены адаптироваться в новых условиях, либо одобряя военные принципы французов в целом, либо стимулируя собственные реформы. Однако Французская революция не являлась единственным источником изменений в проведении войн после 1789 г., если обратиться к истории стран Центральной и Восточной Европы, в частности, России и Австрии. К примеру, австрийские Габсбурги имели собственный длительный опыт борьбы против Османской империи, который повлиял на их военные традиции и реформы. Географическое положение Австрии во многом обусловило ее военное искусство с ликом Януса, инкорпорировавшее опыт конфликтов с западными противниками (Франция) и восточными (Венгрия, Османская империя). Подобное можно сказать и о естественной территориальной экспансии России, столкнувшейся с шведско-польским сопротивлением, с одной стороны, и турецким - с другой. В результате российская и габсбургская армии являлись объединенным продуктом восточного и западного влияний.

Наконец, распространенная интерпретация ограниченной в средствах и в разрушительной силе войны в эпоху Старого порядка выглядит менее определенной, когда рассматривается в исторической ретроспективе. Военные технологии не могут анализироваться вне временного контекста, и излагать историю войн с позиций современного разрушительного уровня развития военного потенциала нелогично. Любопытный пример: многие современные государства, включая сюда и супердержавы, тратят пропорционально меньше из общей суммы бюджета на оборону, чем это было в Европе XVII в. Если абстрагироваться от нынешнего состояния технологического и промышленного производства, то военные возможности армий старого режима предстают в новом свете.

Вообще, было ли милитаризованным европейское общество во время существования Вестфальской системы? Во время Французской революции и

после нее в либерально-демократических работах армии Вестфальской системы чаще всего представляли в черном свете, а степень милитаризации общества преувеличивалась. На самом деле население европейских стран, имевшее опыт военной жизни, достигало в то время 3 % от общей численности, тогда как в мирное время вооруженные силы большинства государств составляли половину этих процентов. Такие пропорции вполне сравнимы с уровнем XIX в. Да и тот факт, что большинство солдат происходило из бедных или неимущих слоев, тогда как офицеры набирались из узкой привилегированной элиты, также может быть оспорен. Определенно, военные пути решения государственных проблем были выгодны аристократии, которая восстановила свой контроль над командными постами в армии в конце XVII - начале XVIII в. в большинстве стран, значительно потеснив офицеров недворянского происхождения, которые составляли значительную пропорцию среди капитанов судов. Монополия на офицерские посты обеспечивала защиту дворянских привилегий и стала частью абсолютистских государственных структур. Можно согласиться, что это особенно было характерно для Пруссии, которой общеисторические факторы обеспечили будущее господство в Германии. При этом прусская монархия умудрялась в «век Просвещения» проводить ряд довольно прогрессивных реформ, являвшихся частью постепенного формирования правового государства в немецких землях.

До 1648 г., по словам одного француза, «армия первоначально представляла как бы бассейн, в который спускали все нечистоты и отбросы социального организма». После Тридцатилетней войны в Европе появилась дисциплинированная армия, содержащаяся и в мирное время и регулярно оплачиваемая властями. Опасность протеста со стороны различных социальных слоев монополизации военной силы государственной властью существовала, однако последняя устанавливала равновесие, активно используя для этого воспоминания о бесчинствах наемной солдатни и ужасах Тридцатилетней войны с целью показать преимущества новых дисциплинированных формирований. В войнах Вестфальской системы стали больше цениться жизнь и права человека. С целью восстановления равновесия сил заключались «великие союзы», направленные против потенциального или реального агрессора, строились оборонительные сооружения на границах государств. Большинство стран континента использовало милицию как резерв постоянной армии во время войны. Она временно превращалась в регулярную силу (в немецких княжествах) или в войска второй линии для гарнизонных обязанностей и защиты домов (во Франции, Испании и итальянских государствах). Но армии Старого порядка были отделены от общества, как, впрочем, и само государство, хотя оплачивались из общественного кармана и рекрутировались из общества. Эти армии оставались под командованием привилегированной аристократи-

ческой элиты. Изменения Французской революции разрушили эти военные структуры, открыв новую эру военной, политической и социальной истории. В целом, в эпоху Старого порядка государство, монополизируя власть, стремилось демилитаризовать общество.

Связь между формированием политических и экономических структур Старого порядка и войнами Вестфальской системы была двухсторонней. Так, результатом одновременной французской и турецкой угрозы являлась война на два фронта в 1683-1718 гг., усилившая германскую милитаризацию и власть князей в рамках традиционных представительных органов Священной Римской империи. Ряд германских территорий, такие как Австрия и Бранденбург-Пруссия, имели значительные ресурсы для независимой военной роли в Европе. Династии Габсбургов и Гогенцоллернов даже отказывались от ряда положений имперской конституции в целях укрепления центральной власти и обеспечения ее защиты.

Интересы властей были тесно связаны с торговлей в Европе и в колониях, а военная агитация вырисовывала перспективы будущих экономических выгод. Английские предприниматели поддержали войну республиканского правительства против Голландии в 1652-1654 гг., слив воедино торговые и военные интересы и будучи убеждены, что именно сила обеспечит британское господство в мировой торговле. Но высокая цена конфликта и торговые неурядицы изменили это убеждение во время третьей англо-голландской войны (1672-1674), когда торгово-финансовые круги выступили против Карла II Стюарта и обвинили его в циничном использовании меркантилистской риторики для обоснования необходимости войны, призванной на самом деле усилить королевскую власть.

Фактически именно фискально-экономические выгоды влияли на окончательное решение правительств воевать, и не удивительно, что выдающийся теоретик меркантилизма Ж.-Б. Кольбер состоял на службе у Людовика XIV. В то же время Кольбер учитывал интересы не только государства, но и имущих слоев Франции, понимая, что война может стать фатальной для казны, и выступал за ограничение территориальных приобретений и расширение торгово-колониальной экспансии. Экономические интересы также вызвали общественные дебаты по поводу военной власти в государстве Старого порядка. Попытки социальных слоев, не входящих в кабинеты и государственные советы (прежде всего это касается буржуазии), контролировать монополию государства на силу, были направлены не на ее эксплуатацию для собственного активного участия в войнах, а для перераспределения внутренней ноши от войны к собственной выгоде. После 1648 г. эта политическая борьба являлась относительно мирной, исключая районы исторической автономии (Шотландия, Ирландия, Венгрия), которые центральная власть желала интег-

рировать в фискально-военную структуру государства в целом. Во время Вестфальской системы войны велись преимущественно между государствами, а не внутри них, что обеспечивалось монополизацией власти, консолидацией территориальных границ и выявленными различиями как между войной и миром, так и между войной и восстанием, зафиксированными в международном праве и дипломатическом протоколе той эпохи.

1648-1789 гг. были эпохой значительных военных инноваций, когда развивались новая стратегия и тактика и постепенно становились реальностью постоянные армии. Последние имеют свои корни не в рыцарстве и его дружинах, а в появившейся в конце XV - начале XVI в. новой пехоте. Вообще в эпоху Старого порядка происходила настоящая «революция» в военном деле, подготовившая бурный всплеск развития этой области в последующие годы. Революционные и наполеоновские войны Франции (1792-1815) открыли новую эру массовых армий, новой стратегии и крупных военных достижений. Войны Вестфальской системы отражали и поднимали фундаментальные вопросы народонаселения, религиозной, династической и экономической политики, а после 1792 г. реальностью становится революционная патриотическая идеология и национализм.

¹ *Клаузевиц К* О войне. М., 1999. С. 17.

² *Duchhardt H.* Europa am Vorabend der Moderne 1650-1800. Stuttgart. 2003. S. 68; *Wilson P.* Warfare in the Old Regime 1648-1789 // *European Warfare 1453-1815* / Ed. by J. Black. Basingstoke: L., 1999. P. 70.; *Schilling H.* Der Westfälische Friede und das Neuzeitliche Profil Europas // *Der Westfälische Friede*. München. 1998; *Aretin K. O. von.* Das Reich. Friedensordnung und Europäisches Gleichgewicht 1648-1804. Stuttgart, 1992.

³ *Jones J. R.* Marlborough. Cambridge, 1993; *Black J.* Eighteenth Century Europe 1700-1789. Macmillan, 1999.

⁴ *Frost R. J.* The Northern Wars 1558-1721. L.; N. Y., 2000. P. 18-19.

⁵ *Henschall N.* The Myth of Absolutism. Change and Community in Early Modern European Monarchy. L.; N. Y., 1992.

⁶ *Wilson P.* Op. cit. P. 77.

⁷ *Ивоини Ю. Е.* Государство, подданный и гражданин в политико-правовом учении Иммануила Канта // *Право: история, теория, практика*. Вып. 6. Брянск, 2002. С. 228-229.

⁸ *Дельбрюк Г.* История военного искусства. Средневековье. Новое время. Смоленск. 2003. С. 457.

⁹ *Jones J. R.* The Anglo-Dutch wars of the Seventeenth century. Г.; N. Y., 1998. P. 214.

¹⁰ *Lossky A.* Louis XIV and the French Monarchy. Princeton. 1994. P. 136.